

# TRUE CRIME STORY

## ИСТОРИЯ МАНЬЯКА



Комплект из 2 книг

Tok. True Crime Story. Главный  
документальный триллер года

Энн Рул

**True Crime Story. История  
маньяка. Комплект из 2 книг**

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

**Рул Э.**

True Crime Story. История маньяка. Комплект из 2 книг /  
Э. Рул — «Эксмо», 2000 — (Tok. True Crime Story. Главный  
документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-252451-6

Убийца с реки Дженеси. История маньяка Артура Шоукросса Полная история маньяка Артура Шоукросса – самого парадоксального серийного убийцы, лишившего жизни сначала мальчика и девочку, а потом более десяти взрослых женщин. Одним он казался монстром без надежды на исправление. Другие видели в нем проблемного юношу, которому можно помочь. Маленький Арти Шоукросс с детства был загадкой для психиатров: он мучил животных, разговаривал с вымышленными друзьями и неоднократно убегал из дома из-за жестокой матери. При этом он исправно получал высшие оценки, преуспевал в спорте и делился деньгами и игрушками с детьми, которые над ним насмехались. Повзрослев и отслужив во Вьетнаме, Артур совершает серию поджогов и краж со взломом, а затем убийство мальчика и девочки. Отсидев два срока, Артур выходит на свободу, и социальные службы селят его в городок Рочестер близ Нью-Йорка – забыв предупредить местную полицию. Спустя некоторое время в местной реке Дженеси начинают находить трупы молодых женщин, и их число быстро переваливает за десять... Почему Артур убивал самых разных жертв – сначала детей, а потом женщин, – не как остальные серийные убийцы? Как повлияло на него насилие матери? А может, во всем виноваты жестокие сцены пыток, увиденные во Вьетнаме? И почему психиатры говорили, что он не психопат? «Убийца с реки Дженеси» – это мастерская хроника убийств одного из самых противоречивых маньяков, написанная в сотрудничестве с его близкими, родственниками жертв и детективами по его делу. Фетишист. История Джерри Брудоса, «обувного маньяка» От автора бестселлера «Убийца рядом со мной», классика тру-крайм литературы Энн Рул – история маньяка Джерри Брудоса, прозванного «убийцей – обувным фетишистом». ЕМУ

НРАВИЛИСЬ ЖЕНЩИНЫ НА ВЫСОКИХ КАБЛУКАХ. НАСТОЛЬКО, ЧТО ОН УБИВАЛ РАДИ ИХ ТУФЕЛЬ... Для своих соседей Джерри Брудос был мягким и тихим человеком, несмотря на свой внушительный вид. Для своих работодателей Джерри был опытным и трудолюбивым электриком, мастером на все руки. Для своей жены Джерри был хорошим мужем и любящим отцом, несмотря на странный запрет заходить в его мастерскую в гараже и любовь к переодеваниям в женское белье. А для полиции Орегона Джерри Брудос был монстром, убивавшим девушек, фетишистом – коллекционером туфель и белья своих жертв... вместе с их частями тела в огромном морозильнике. Увлекательная и пугающая, эта книга рассказывает историю «обувного фетишиста» Джерри Брудоса – от невинных фантазий и краж женских предметов гардероба до жестоких серийных убийств. «Энн Рул обладает врожденным чутьем к саспенсу, зная, какую информацию поведать читателю и когда». – The Washington Post Book World «Увлекательная и мрачная история... невозможно отложить книгу». – New York Daily News «Отличное чтение... Рул подкидывает сюрпризы и откровения с мастерством настоящего писателя». – Seattle Times

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-252451-6

© Рул Э., 2000

© Эксмо, 2000

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Джек Олсен                        | 6  |
| Предисловие                       | 8  |
| Часть первая                      | 10 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

## **Джек Олсен**

# **Убийца с реки Дженеси. История маньяка Артура Шоукросса**

Jack Olsen

THE MISBEGOTTEN SON:

A SERIAL KILLER AND HIS VICTIMS – THE TRUE STORY OF ARTHUR J. SHAWCROSS

Copyright © 2000–2014 by Jack Olsen

© Самуйлов С. Н., пер. на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

\* \* \*

ДЖЕК ОЛСЕН (1925–2002) – американский журналист и писатель, один из пионеров жанра true crime, обладатель многочисленных журналистских и писательских премий.

Бывший начальник бюро Time на Среднем Западе, Олсен писал для Vanity Fair, People, Paris Match, Reader's Digest, Playboy, Life, Sports Illustrated, Fortune, New York Times Book Review и других изданий.

За выдающуюся журналистскую деятельность газета Philadelphia Inquirer называла Джека Олсена «сокровищем Америки»; Washington Post и New York Daily News считали его «наставником всех авторов, пишущих о настоящих преступлениях».

Исследования Олсена на тему преступлений обязательны к прочтению на университетских курсах по криминологии.

\* \* \*

«Опытный и умелый писатель, Олсен доказал свою компетентность в сложной задаче изучения серийного убийцы Артура Шоукросса. Родившийся в 1945 году в северной части штата Нью-Йорк, Шоукросс еще в детстве считался странным (одноклассники называли его чудиком, а школьные чиновники требовали психиатрической оценки). В начале 1970-х он убил двух детей и был приговорен к максимальному сроку в 25 лет заключения, но освобожден досрочно спустя менее чем 15 лет, в 1987 году.

После освобождения Шоукроссу было трудно найти постоянное место жительства: жители городков прогоняли его, как только узнавали о его преступлениях. После трех таких случаев условно-досрочные органы

отправили его тайно в Рочестер, штат Нью-Йорк, где он убил по меньшей мере 11 проституток.

Шоукросс был арестован в 1990 году и в итоге получил приговор на 250 лет тюрьмы. Во время суда он утверждал, что подвергался физическому и сексуальному насилию со стороны матери и также совершал ужасные зверства во время службы во Вьетнаме. При этом он не подпадал под классические признаки социопата и не производил впечатления невменяемого. Написанная Олсеном при участии других пострадавших от преступлений Шоукросса книга «Убийца с реки Дженеси» становится триумфом криминальной литературы». *Publishers Weekly*

\* \* \*

Читая книгу, понимаешь, почему Джек Олсен считается классиком литературы тру-крайм. Мастерски выстроенное повествование – будто смотришь интересное драматическое кино с эффектными монтажными склейками.

*Яна Логинова, редактор*

## Предисловие

Когда я встретила с бывшим психологом-криминалистом ФБР Греггом Маккрэри, мы обсуждали будущую книгу, в которую вошли бы его самые запоминающиеся дела. В одном из таких дел фигурировал Артур Шоукросс, серийный убийца из города Рочестер в штате Нью-Йорк. Маккрэри выступал консультантом по этому делу и предложил стратегию поимки убийцы.

Моя работа над книгой под названием «Неведомая тьма» состояла в помощи развитию писательского мастерства Маккрэри, а также в изучении каждого случая из его практики, поисков информации за пределами того, о чем Маккрэри мог знать раньше, например, выяснение подробностей о месте преступления и глубоком прошлом преступников. В ходе работы мне встретила эта книга Джека Олсена. Подход автора отличался скрупулезной точностью. Именно это мне и требовалось, поскольку дело Шоукросса было очень сложным.

24 марта 1989 года двое охотников наткнулись на замерзшее женское тело, одетое в джинсы и толстовку. Полиция вытащила труп из воды. Вскрытие показало, что женщина была задушена и избита ногами, а возможно, еще и искусана. Вскоре обнаружили другие тела, и полиция Рочестера обратилась за помощью к ФБР. Всего за год у специалистов накопилось одиннадцать нераскрытых дел об убийстве проституток.

У нас были материалы расследования и протоколы опросов свидетелей, а также опыт Маккрэри, побывавшего той холодной зимой на севере штата Нью-Йорк, когда он посещал места преступлений, но этого мне было мало.

Олсен брал интервью у самых разных людей, так или иначе имевших отношение к этому делу. Также он хорошо знал окрестности Рочестера и основную территорию, на которой обнаружили трупы – живописное ущелье реки Дженеси. Он собрал весьма разнообразные сведения. Убийца оказался странным типом, бывшим заключенным, которого слишком рано выпустили из тюрьмы после двух убийств детей и который воспользовался неэффективной системой условно-досрочного освобождения в своих интересах. Это позволило ему дальше убивать, снова и снова. Даже после его поимки ситуация оставалась непростой, поскольку судебный процесс превратился в поле битвы экспертов. Чтобы рассказать такого рода историю, нужен умелый, внимательный писатель. Такой как Джек Олсен.

Он написал более тридцати книг, получил за свое мастерство ряд наград, обладает солидным опытом работы в области криминальной журналистики и полицейских репортажей. Чтобы оценить всю цельность его работы, мне хватило короткого знакомства с одной из его книг. Не просто так его называли «воспитателем авторов в жанре тру-крайм» (говорят, однако, что это звание ему не нравится). Он заметно выделяется в ряду своих коллег. Читатели могут не только доверять его точности и достоверности, но и рассчитывать на то, что чтение выйдет занимательным.

Однако Олсен не просто писатель. Он еще и наставник. Он дружит с другими авторами, дает им советы и поддерживает их. Он чувствителен к социальным проблемам и системным ошибкам, а также объединяет людей, призывая их занимать твердую позицию по вопросам, которые имеют значение. Для него писательство не просто репортаж, но и *режиссура*. Он хочет взволновать читателей. Он проливает свет на темные уголки истории и делает убедительными душераздирающие истории об изнасилованиях, несправедливости или убийствах. Он никогда не забывает о качестве. По словам тех, кто тесно сотрудничал с ним, Олсен был «упертым репортером», который неустанно добивался правды.

Я оценила это как исследовательница, писательница и читательница, поэтому рада познакомиться и других с версией истории о Шоукроссе, которую предлагает Олсен.

*Кэтрин Рамсленд,  
автор 58 книг, в том числе бестселлеров издания «Уолл-стрит джорнал» –  
«Психопат», «Человек-хищник» и «Разум убийцы»*

*Джек Оуэн Блейк, Карен Энн Хилл, Дороти Блэкберн, Анна Штеффен, Дороти Килер, Патрисия Айвз, Фрэнсис М. Браун, Джун Стотт, Элизабет А. Гибсон, Джун Сисеро, Мария Уэли, Фелиция Стивенс и Дарлин Триппи – эта книга написана в память о вас.*

**\* \* \***

*Внутри меня слишком много мучений, слишком много гнева, от которого нужно избавиться! Меня нужно было бы кастрировать или воткнуть мне в голову электрод, чтобы остановить мою глупость, или как это еще назвать. Я просто заблудшая душа, которая ищет избавления от своего безумия.*

*Пожалуйста, Боже, пусть кто-то мне поможет.  
Артур Джон Шоукросс,  
рукописный отчет,  
март 1990 года*

## Часть первая

### Убийство на севере штата Нью-Йорк

*Одним из многих тихих и приятных городков на этой территории является Уотертаун с населением 33 000 человек. О серьезных преступлениях здесь практически ничего не слышно. В окружной тюрьме редко встретишь заключенных, за которыми числятся более серьезные преступления, чем пьянство и нарушение общественного порядка.*  
*«Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт», 1967 год*

#### 1.

Мэри Эгнис Блейк стояла во главе целого дома бедняков. Там жили ее собственные девять детей, беглецы и беглянки, дальние родственники, муж-алкоголик и его непутевые приятели, а также все, кто только заглядывал в этот старый деревянный дом в низине. Кофеварка, которую заправляли украденным в магазине кофе, тарахтела весь день. С тех пор как хозяйке исполнилось двадцать с небольшим, все называли Мэри Эгнис просто Ма.

– Сколько себя помню, – объясняла она, – я всегда присматривала за людьми. Когда мне было пять лет, заботилась о соседских детях, чтобы с ними ничего не приключилось. Для этого Господь и послал меня на землю, так?

Говорила Мэри на простом, непритязательном английском, с теми его северо-восточными особенностями, которые слышны от Олбани до реки Святого Лаврентия. Согласные у нее звучали резко, гласные она коверкала до неузнаваемости, а глаголы предпочитала слабые, попроще.

Иногда устами Мэри говорили ее умершие родители, и тогда выходило что-то наподобие «трясти ногой», «чтоб меня перекосило!», «от ворот поворот» и тому подобное. В повседневном общении ее голос звучал резко и гнусаво, не чересчур громко, но в жарких дискуссиях он приобретал звенящую остроту промышленного режущего инструмента. Сосредоточив свое рассеянное внимание на одном объекте, она бросала свое короткое «так?» и пристально вглядывалась в собеседника своими темно-синими глазами. Она редко проигрывала в спорах и никогда не отступала.

В свои пятьдесят с небольшим эта почтенная глава семейства, настоящий матриарх, была ростом почти 155 сантиметров и весила 44 с лишним килограмма, а поскольку досыта она ела редко, то фигуру сохраняла вполне компактную. Ее обезоруживающая улыбка и лукавый ирландский взгляд наводили на мысль, что ее можно удивить, но не одурачить. Нос у нее был вздернутый, кожа – чистая, лицо без морщин, за исключением «паутинки» вокруг глаз. С годами ее волосы потемнели до каштановых с проседью. Она отращивала их почти до плеч и не особо беспокоилась о своем внешнем виде. Для беспокойства ей с избытком хватало других причин.

#### 2. Мэри Блейк

Я родилась дома в День благодарения 1934 года в Уотертауне, штат Нью-Йорк, в пятидесяти километрах от канадской границы. Мама говорила, что я – самая большая индейка из всех, что у нее были. В семье из четырнадцати детей – семь мальчиков и семь девочек – я была тринадцатой, предпоследней.

В роду моего отца, Лоутонов, были немцы, ирландцы, индейцы и французы. Мать носила фамилию Литц, и ее родственники состояли в основном из немцев. Так что мы, дети, были полукровками. Местные называли нас «черными Лоутонами» – то ли потому, что мы жили около реки Блэк, то ли потому, что это как-то относилось к черным ирландцам<sup>1</sup>. А может, нас окрестили так из-за образа жизни. Много раз нам приходилось воровать, чтобы поесть.

Мой отец начинал фермером в Лафарджвилле, небольшом местечке к северу от Уотертауна, рядом с озером Онтарио, но земля там была слишком скудная, и он занялся бутлегерством. В прежние времена, когда виски возили из Канады, этот район называли «Маленьким Чикаго». Даже после введения сухого закона люди ходили к моему отцу, чтобы обойти налог на выпивку. Дед моего отца был английским эрлом, и большинство Лоутонов сегодня – люди состоятельные и уважаемые. Из тех, что просто так на минутку не заскакивают.

Я родилась от отца, но в семье были и дети, которых мать прижила от своего друга Фреда Бернэма, хотя сама она в этом и не признавалась. Отец пил, гулял с другими женщинами и бил мою мать. В конце концов он переехал жить на Фэктори-стрит, где и спился совсем. По части пьянства опыт у меня большой – в моей семье пили оба родителя, и у моих собственных детей история повторилась. Ну, если это не болезнь, то и ладно.

Моя мама одна растила четырнадцать детей в нашем деревянном доме на Уотер-стрит. Потом она позволила жить у нас Фреду Бернэму, который так и стал нашим отчимом. Пил он много и, когда напивался, поколачивал нас, а трезвым ставил в угол или заставлял стоять коленями на рисе. Однажды ночью он заявился пьяный и, подняв меня, бросил на дровяную печь. Мне повезло, что печь не была растоплена.

Когда он напивался, моя мать загоняла нас, детей, в спальню и вставляла в щель ножи для масла, чтобы он не мог открыть дверь. Как только она выходила, он избивал ее, а если замечал кого-нибудь из детей, то доставалось и нам.

Я до сих пор не понимаю, почему мама не сдала его в полицию. В те времена копы были нашими друзьями; к нам частенько заходил сам начальник полиции. Копы патрулировали нашу улицу и заходили выпить кофе или просто погреться ночами, когда с озера Онтарио дул северный ветер и слюна замерзала на лету, не успев коснуться земли. В тридцатые годы законники еще не разъезжали повсюду в теплых машинах, так?

Отходы от фабрик вокруг в конце концов прикончили мою мать в 1970 году. «Блэк Клоусон» производил оборудование для бумажных фабрик, а «Нью-Йорк эйрбрейк» – тормоза для поездов, и над обоими этими заводами всегда стоял дым, а из труб летели искры. Литейный цех «Клоусона» грохотал так, будто взлетала ракета, и освещал весь наш район. Мы жили прямо под штабелями продукции этих фабрик, и все мое детство прошло в шуме: на запасных путях гудели локомотивы, то и дело громыхали грузовики и другая тяжелая техника. Наш дом стоял позади другого дома, будто строители не хотели, чтобы люди видели наше жилище с улицы. Влажный речной воздух скапливался в легких у моей мамы. Облачка сажи слетали с кленовых листьев. Дождь оставлял темные следы на одежде – мы называли его черным дождем. Запах стоял ужасный. Боже ты мой, над нашим районом всегда висели серые тучи.

Неподалеку протекала река Блэк, такая узкая, что ребенок мог перекинуть через нее теннисный мяч. Потом ее перекрыли плотиной для подачи воды. Эта река постоянно воняла. Даже спустя годы после того, как прошел последний паровоз, вода оставалась серой от сажи и угольной пыли с бумажных фабрик по обоим берегам. Тогда их было тридцать или сорок, и тянулись они до самых Адирондаков, а сейчас заводов осталось мало, по пальцам пересчитать. Вот почему молодым людям в Уотертауне никогда не хватало работы – фабрики то и

---

<sup>1</sup> Черные ирландцы (*англ.* Black Irish) – термин, который применяется американскими ирландцами для людей ирландского происхождения с темно-каштановыми или черными волосами, отличающимися от стереотипа про рыжеволосых ирландцев.

дело закрывались. Их развалины и сейчас еще можно видеть на обоих берегах вниз и вверх по реке: пустые окна, обрушенные стены, груды кирпича и дерева. Просто гранд-отель для крыс и мышей! Большинство местных давно уже разъехались. Что до меня, то я родилась здесь и здесь же умру. У моих детей настрой тот же. Да, здесь шумно и грязно, здесь воняет, здесь вредно жить, но это наш дом.

Мы то и дело нуждались в деньгах, все время их не хватало. Когда я была маленькой, моя мать обычно налиwała воду в кувшин и шла пешком через лес к свалке на холме Бутджек. На голову она повязывала бандану, чтобы не хватил солнечный удар. На свалке всегда воняло от шлака, кусков латуни, железа, меди, листового стекла, бумаги и дерева, которые сливались в одно месиво. Самосвалы сбрасывали свой груз еще горячим, и люди, шесть или восемь человек, бросались к дымящейся куче и копались в ней. Моя мать зарывалась так глубоко, что мы видели только подошвы ее туфель. Если бы эта нора обрушилась, ее бы там погребло заживо. Мать вылезала, кашляя и чихая, с опаленными волосами и обожженными руками, но это ее не останавливало. Мои братья грузили добычу на тачки и отвозили все старьевщику Эйбу Куперу. Его развалы были рядом с центральными железнодорожными путями штата, которые проходили по Фэктори-стрит. Моя сестра Нэнси как-то нашла такой большой кусок латунного шлака, что увезти его смогли только на детской коляске. Это была самая крупная наша добыча.

Голодали мы редко. Если добыть на свалке ничего не удавалось, мама собирала для нас пучок зелени одуванчиков, готовила их с соленой свиной и добавляла немного уксуса, чтобы усилить вкус. Иногда она собирала лесную землянику для песочного пирога. По ночам мои братья пробирались на фермы и копали картошку – собирали полуночный урожай. Нет ничего на свете хуже картофеля с соленым свиным жиром. Фермеры разводили миллионы индеек, но не дали бы тебе ни кусочка, даже если бы ты помирал с голоду. Индеек добывал Роланд. Иногда он приносил их больше, чем мы могли съесть, и тогда он продавал их в ресторан на углу, а деньги проматывал в бильярдной. Роланд всегда придумывал какую-нибудь историю, чтобы объяснить, откуда у него индейки, потому что наша мать строго-настрого запрещала воровать.

Когда мне было десять, Роланд принес домой свинью, и мы разделали ее на кухне. Он сказал маме, что поймал ее в лесу. Красть он перестал после того, как попался полиции штата и получил штраф в пятьдесят баксов. Таких денег мы в глаза никогда не видели, но он должен был заплатить или отправиться в тюрьму.

Наверно, кража домашней живности у нас в крови. Моего любимого дядю Эрла Лоутона выгнали из Уотертауна за то, что он воровал коров. Это было, когда я еще не родилась. Выписали ордер, по которому ему грозил арест и тюрьма, если он снова появится на территории округа Джефферсон.

Мы, дети помладше, воровали нечасто и по мелочи, но кое-кто из моих братьев старался и за себя, и за нас всех. Роланд и Фредерик прибирали к рукам любой металл, который плохо лежит. Они воровали из припаркованных на бульваре тягачей с прицепом – большие коробки с кофе, шампунем, маслом для волос, овощными консервами, сардинами. Моего брата Джуниора поймали на краже большого мотка медной проволоки. Во время Второй мировой он служил рейнджером, был ранен в ногу, получил медаль «Пурпурное сердце», но все равно попал в тюрьму.

Я и мои сестры воровали помидоры с окрестных огородов. Даром не пропадало ничего, даже сердцевина. Меня застукали, когда я трясла яблоню, а сестра собирала яблоки. Одна дама направила на меня фару, и я не смогла быстро спуститься и убежать. Мама тогда здорово меня отшлепала.

Мы не получали игрушек на Рождество, но у нас всегда была вкусная праздничная еда. Мой отец, пока не умер в лечебнице, присылал мне денежку на кино. Большую часть времени мы болтались сами по себе. Мы были бедны, но ничего лучшего и не знали. Моя мама обнимала

нас и целовала каждый день. Всю свою жизнь я усердно работала и была ни капельки не против. Только так и нужно жить.

Когда мне было семнадцать, подружка проводила меня до клуба «Знак вопроса», потому что мама не разрешала мне никуда ходить одной. Там было много солдат из лагеря Кэмп-Драм к северу от города. Через какое-то время подошел один из сержантов и пригласил меня потанцевать – симпатичный парень с голубыми глазами, каштановыми волосами и ленточками на груди. У него был кривой нос, и это придавало ему какой-то необычный вид. Ростом он не был сильно больше 180 сантиметров, но плотной, крепкой фигурой напоминал боксера или строителя. Он сказал мне, что его зовут Аллен Блейк, но попросил называть Питом. Для инструктора по лыжам он определенно был тяжеловат на ноги. Я едва дождалась окончания танца.

Позже тем же вечером подруга сказала:

– Знаешь, что он спросил меня о тебе? Спросил, что делать, когда влюбляешься с первого взгляда.

Еще она предупредила его, чтобы не приставал ко мне и не позволял себе ничего такого. Понимаете, ко мне никто даже не прикасался. Моя мама всегда говорила: «Позволишь парню баловаться с тобой – дети пойдут». И я слушалась, потому что мама шлепала больно, так?

Пит пришел к нам домой на следующий вечер, и мы поговорили. Сказал, что он из богатой семьи в Мичигане. Нос ему сломало осколком шрапнели в Корее, когда он служил в 190-м инженерном полку. У него есть медаль «Пурпурное сердце» и три боевые звезды. Свою карьеру Пит заканчивал в лагере Кэмп-Драм, где тренировал группу новичков, которые приезжали в город и каждый вечер устраивали гулянки. Пит гордился своей внешностью, любил лежать на солнышке и загорать. Люди поворачивали головы и смотрели на нас, когда мы шли по городской площади.

Он мне нравился, но я держала его на расстоянии и говорила так: «Знаешь, ты не единственный камешек на пляже». Мои подруги развлекались с мальчиками и рассказывали, как это здорово. Я позволяла Питу целовать меня, но не больше.

Ну, хотел он меня сильно. Однажды ночью даже прорвался через ворота, чтобы меня навестить. Военная полиция преследовала его, по нему стреляли, а потом разжаловали в рядовые. Он говорил, что во всем мире есть только я, а остальные – ерунда. У него всегда водились карманные деньги, а оказавшись на мели, он каждый раз писал своей матери в Мичиган, и она присылала чек. И если почта немного задерживалась, он шел и отнимал деньги у кого-нибудь. Он даже наострился воровать у одного из моих братьев.

В конце концов я позволила ему сделать со мной это после того, как он пообещал, что больно не будет. Но было очень больно и совсем не похоже на то, что описывали мои подруги. После этого я никогда не получала удовольствия от секса, ни разу. Для меня это было просто тем, что ты позволяешь делать мужчинам.

К тому времени, как Пит закончил службу, мы встречались уже два года. Мне исполнилось девятнадцать лет, и я была на шестом месяце беременности. В тот вечер, когда его уволили, он пришел отвести меня в кино, и у него было при себе все его жалование, триста долларов. Если когда-либо и была ночь, когда ему не стоило красть, то это была та ночь. Днем он ходил по магазинам и очень гордился тем, что носит гражданскую одежду.

Мы проехали несколько километров по дороге, и что-то шепнуло мне, что надо выйти из машины. Ни с того ни с сего я вдруг сказала:

– Останови здесь!

Господь всегда был рядом со мной, так?

Пит спросил:

– В чем дело?

– Я просто хочу выйти, – сказала я.

– Хорошо, я отвезу тебя домой.

– Я ни за что не поеду в этой машине.

Он спросил меня почему, а я и сама не знала, что сказать. Клянусь, Господь как будто протянул мне руку с небес. Было полвосьмого вечера и темно, как в брюхе у коровы.

И вот Пит поехал в город, а я направилась домой. Через какое-то время я услышала машину скорой помощи и подумала: «О боже, Пит попал в аварию!»

Было темно и страшно. Я побежала домой и всю ночь просидела, беспокоясь о нем.

На следующее утро мы с мамой услышали разговор двух дам у магазина «Ньюберри». Они говорили, что прошлой ночью стали свидетелями серьезной аварии, и какой-то мужчина ходил с пораненной рукой. Ему даже наложили на руку жгут.

Мать спросила:

– Он был совсем один?

– Да, – ответила одна из женщин.

– А что за машина?

– Купе. С откидным сиденьем.

Мы с мамой помчались в больницу. Они спросили, не жена ли я ему, я солгала и сказала «да».

Он лежал на кровати.

– Ох, разомни мне руку, – попросил он. – Болит.

Я посмотрела туда, куда он показывает, и увидела, что у него нет руки. И упала в обморок.

Оказалось, что Пит не пошел в кино после того, как я вышла из машины. Он поехал прямо на водопроводную станцию реки Блэк и прихватил с собой несколько больших тяжелых труб. Мои братья Фред и Роланд все время воровали водопроводные трубы и железнодорожные рельсы и продавали их как металлолом. Пит пришел оттуда, где ему не нужно было воровать, и попал ровно туда, где воруют.

Продав товар, он возвращался к моему дому, держа левую руку в открытом окне, и его сбил пьяный водитель.

Питу предъявили обвинение в краже, но судья сказал: «Вы и так достаточно заплатили за то, что сделали». Полицейские штата не могли поверить, что всего один человек поднял и унес трубы, но он был в хорошей форме после службы в армии.

Моя мать, как узнала, что я беременна, заставила его жениться на мне. Пит не мог найти приличную работу, поэтому мы с ним нанялись на ферму Боба Гарднера копать картошку. На восьмом месяце беременности я таскала ведра по двадцать килограммов. Рабочая лошадка, прямо как моя мама!

Говорите что хотите против моего мужа, но работал он усердно. Двадцать пять лет копал картошку, водил трактор, делал все, что говорил ему Боб Гарднер. Но Пит никогда не хотел быть мужем. А когда родился наш ребенок, я поняла, что он еще и никогда не хотел быть отцом. Он всегда водился со своей компанией, напивался и часто оставлял меня без еды, так что мне нечем было кормить ребенка. Он врал направо и налево. Он не был ни любящим, ни даже просто дружелюбным. Он *никогда* не садился за стол вместе с нами, не ел со всеми. Он говорил мне, что надо купить в магазине – обычно это был яблочный пирог, курица, печенье и соус. Я тратила на готовку целый день и говорила: «Давай, Пит. Ужин готов».

А он отвечал: «Не хочу я жрать эти чертовы отбросы». Я понимала, что его гложет. Когда-то он был лыжником, нежился на солнышке, а потом вдруг раз – и без руки остался, так? Он не смог это пережить. Ему сделали в Сиракьюсе руку, почти как настоящую, с кожей, с волосками, но он никогда ее не носил. Только другую, с крючком.

Когда ему хотелось секса, он просто спускал штаны. Он подарил мне детей, но не хотел иметь с ними ничего общего. Доктор Россен сказал ему: «Мне бы стоило взять дробовик, отстрелить эту твою штуку и привязать ее за ленточку к стене. Твоей семье было бы лучше».

Когда я была на шестом месяце беременна Дон, третьим по счету ребенком, Пит пришел домой пьяный и ударил меня ногой в живот. Потом снял свой протез и напал на меня. Я схватила его за руку и рассекла ему крюком коленную чашечку. Потом побежала по Берлингтон-стрит к дому подруги, и она велела мне сделать так, чтобы его арестовали, потому что я боялась возвращаться домой. Я умоляла старого пьяницу-судью снять обвинения, но тот отказался, и Пит отсидел полгода.

Мы ездили в Мичиган навестить его родителей, и они смотрели на меня свысока, потому что я из бедной семьи. Пит подделал чек на двести долларов на имя своего отчима, чтобы вернуться в Уотертаун, и отчим позвонил в полицию. Потом он все же снял обвинения при условии, что мы навсегда покинем Мичиган. Пит так и не смог смириться со своими потерями – сначала руки, потом семьи. Как вернулся домой, он снова принялся воровать. Его приговорили к двадцати пяти дням и двадцати пяти долларам штрафа за кражу коробки несвежего хлеба в Уэст-Картидж – такой хлеб называли еще «свиным». Вот такую мелочь он и воровал, чтобы хватило на бутылку виски – распить с приятелями или махнуть через канадскую границу и погулять с тамошними друзьями.

Когда я была маленькая, то ходила в церковь только на Рождество, но решила, что у меня будет набожная, порядочная семья, и позаботилась о том, чтобы все мои дети впервые причастились в церкви Святого Семейства. Если ты сама выросла среди воров, это не значит, что и вырастить детей ты должна такими же. Я была мамой, воспитательницей, а Пит ни разу пальцем не шевельнул. Когда наш сын Аллен-младший, «малыш Пит», убил котенка под эстакадой, я всыпала ему по первое число. Когда мои дети крали деньги с парковочных счетчиков, я сообщала в полицию и добивалась, чтобы они вернули деньги. Если они воровали в магазине, я тут же отправляла их обратно с товаром.

Но я и защищала своих детей, из-за этого у меня неприятности с копами. Мой старший сын Ричи, когда ему было двенадцать или тринадцать, ввязался в уличную драку и побил какого-то сорванца один на один. Его мать подбежала, когда мальчишки уже помирились и пожимали друг другу руки. Эта женщина, здоровая, ростом метр восемьдесят, схватила моего сына за руки, заломила ему за спину и велела своему ребенку ударить его. Я сама мелкая, но я развернула ее и зашвырнула в пустой мусорный бак, да еще и руку ей сломала.

Судья дал мне десять дней условно и предупредил, чтобы я больше не дралась.

– Ваша честь, – сказала я, – мне, конечно, жаль, но с любимым, кто поднимет руку на моего ребенка, я буду драться.

Он просто рассмеялся и отпустил меня.

Я потеряла одного ребенка, потом другого, но все продолжала беременеть. После Ричи у меня были Дебора, Дон, Сюзан, Роза. Когда родилась Робин, я сказала доктору Россену:

– Еще одна чертова девчонка. Больше не хочу никаких девчонок. Хочу мальчика.

В общем, я познакомилась с Бобом. Он был деловым человеком, хорошим парнем, неплохо зарабатывал. Он слушал меня, обращал на меня внимание, рассказывал мне о своих проблемах, о своих чувствах. Пит никогда не говорил о чувствах. Может, у него их и не было, так? Боб покупал нам еду; не давал перевестись маслу в нашей плите зимой, пока Пит гонял в Канаду со своими друзьями. Я встречалась с Бобом тайком, пока дети были в школе. Потом мы начали встречаться в его доме. Я долго отказывала ему, а потом почувствовала себя виноватой, потому что от Боба я тоже не получала никакого сексуального удовольствия. Всегда

было то, чего хотел он, а не я. И я все еще позволяла Питу делать со мной все, что он хотел, потому что он был моим мужем.

Однажды ночью мы зачали Джека на Блэк-Ривер-роуд, недалеко от местечка для машин. В детстве Джек выглядел точь-в-точь как Боб. Когда я привезла его домой из больницы, я решила, что больше не могу лгать. Я отвела своего мужа в сторону и сказала:

– Пит, ты не отец Джека. Если не хочешь с этим мириться, уходи. А если останешься, то станешь отцом для всех наших детей и будешь относиться к Джеку как к своему.

Пит схватил дробовик, хотел убить Боба. Я не знала, что делать, поэтому решила взять ребенка и вместе с ним сунуть голову в газовую духовку. Но сначала я позвонила доктору Россену и рассказала, как себя чувствую. Он сказал, что это просто послеродовая хандра, и прислал мне несколько желтых таблеток.

Пит не прикончил Боба; вместо этого он прикончил бутылку. Позже у меня родились малыш Пит и Пэм, восьмой и девятая. Наверное, они были от мужа.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.